

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ЦВЕТOK C
МАДАГАСКАРА

Дмитрий Михайлович Володихин

Цветок с Мадагаскара

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8037767

Цветок с Мадагаскара:
ISBN 978-966-492-557-7

Аннотация

«При юном и хилом государе Федоре Алексеевиче в одном московском роду князей-Рюриковичей родился долгожданный ребенок, девочка. Ее так же преследовало нездоровье, как и молодого царя. Но о ней очень заботились родители: поили целебными отварами, кормили лечебными медами, возили на лето в подмосковную деревню и там водили по тенистым лесам. Да еще заказывали молебны о здравии маленькой княжны, берегли ее, холили и лелеяли. Девочка всё больше сидела дома и читала книжки. Сначала ее учили грамоте по Псалтири, потом дали ей житие преподобного Сергия Радонежского, отпечатанное на Московском печатном дворе, а потом уж она сама всюду совала нос и отыскивала то, что ей совсем не предназначалось...»

Дмитрий Володихин

Цветок с Мадагаскара

При юном и хилом государе Федоре Алексеевиче в одном московском роду князей-Рюриковичей родился долгожданный ребенок, девочка. Ее так же преследовало нездоровье, как и молодого царя. Но о ней очень заботились родители: поили целебными отварами, кормили лечебными медами, возили на лето в подмосковную деревню и там водили по тенистым лесам. Да еще заказывали молебны о здравии маленькой княжны, берегли ее, холили и лелеяли. Девочка всё больше сидела дома и читала книжки. Сначала ее учили грамоте по Псалтири, потом дали ей житие преподобного Сергия Радонежского, отпечатанное на Московском печатном дворе, а потом уж она сама всюду совала нос и отыскивала то, что ей совсем не предназначалось. Вот «Учение и хитрость ратного строя пехотных полков», а вот «Уложение государя Алексея Михайловича»... Однажды ей попала старинная рукописная книга «Хронограф», повествующая и мировой истории, да и о русской заодно; к той же книге приписана была «Космография», где неведомый автор повествовал о дальних странах и диковинных обычаях тамошних народов. «Хронограф» и «Космография» поразили ее воображение. Ей чудились парусные корабли – вроде больших лодок, на одной из которых катали ее по Клещину озе-

ру под славным градом Переяславлем, когда маменька возила ее целовать вериги большого святого Никиты Переяславского. Только парусники, на коих можно добраться до дальних стран, представлялись ей раз в десять длиннее, шире, выше... Ей чудились гортанные голоса мавров и фантастические наряды кызылбашей. Да и в носу сам собой возникал сладостный запах какого-то яркого цветка, ни разу ею не виденного – таких и нет ни в Москве, ни в подмосковных лесах, ни на Клещине озере, а дальше она никогда не бывала. Девочке нравилось бродить по древним московским обителям, вспоминая строчки из «Хронографа» о том, как повсюду пали православные царства, но Богородица сохранила по милости своей Россию от иноверцев и иноплеменников, и зацвела Русская держава. Маменька всё умилялась ее богомольности, а девочка видела в древних стенах и высоких колокольнях свидетелей той славной старины.

Юная княжна росла молчаливой, книжной и упрямой. Всех слушала, а делала по-своему. Училась вышивать, а мечтала о дальних краях. Глядела на девичьи шумные игры, а тянулась к писаному слову. Лопала как мальчик, но оставалась худой. От домашних дел любила сбежать на гуляние по кривым московским улочкам, поглазеть на старинные палаты, на церкви, на сады, на ярмонки, стащить пряник и побродить в книжном ряду. Кожа ее оставалась белым-бела, и маменька всё вздыхала: «Когда ж ты станешь у меня загорелицей! Всё молочная и молочная с синенькими жилочками.

Ну кто такую худобу бледную замуж-то возьмет!»

Семья ее жила в Новых Затинщиках, что меж Пименом Великим да лесным рынком на Миуссах. Отец ее при юном государе был в чести: сказан ему был чин стольника, два раза посылали его на воеводство: сначала вторым воеводою в Вязьме, а потом первым – на Дедилове. Бывал он в приказных судьях, а жизнь окончил окольниковым, посидев целых полгода в Боярской думе. В доме был достаток, хотя ни поместий богатых, ни вотчин за сим княжеским родом давно не водилось, а родне чин не шел: один старый князь вышел в люди, прочие же просили его помогать и просить за них...

Вот он помер – крепкий был человек, но в ту пору мало кто доживал до седьмого десятка, и Бог задул его свечку. В то же лето – 7190-е от Сотворения мира – угас и молоденький царь. Земля да будем им обоим пухом! Смилоствивись Господь над их душами – оба были добрыми людьми.

Юная княжна хворала-хворала, хворала-хворала, но пережила и отца, и государя. Видно, Царь Небесный пожалел девочку, или Пресвятая Богородица отмолила. Когда отца не стало, ей было всего-то пять годиков. Для семьи наступило время холодное, время скудное. Вдове оставили от отца именья чуть-чуть на прожиток, да дом в Новых Затинщиках. Скоро в этом большом доме стало пустынно: дворовых пришлось отпустить, мамок и приживалок погнать, колымажных лошадей – продать.

Девочка росла-росла, да и превратилась в отроковицу. По-

вадились в дом заглядывать хитрые бабки-свахи, да приятели женихов. Маменька надеялась выдать девицу замуж за великого человека: тогда и дела семейные поправятся. И приятели женихов несли своим друзьям добрые известия, дескать невеста хороша, бела, глазаста и статна. Ни сухотки, ни расслабленья, ни кривоты, ни которого дурного запаха за ней не водится. А вот свахи дело свое знали крепче. И родители женихов качали головами: ну, хороша, ну бела, но нрав ей дан упрямый, приданого за ней – пуховая перина, да блохастая псина. К тому же, статочное ли дело, что девица вышла книжной, как ученый инок. Что с такою делать? Ведь она, поди, умничать начнет, никакого спасу.

Вот один жених ушел, а вот и второй пропал, за ними третий куда-то делся, четвертого след простыл... Маменька ахала и бледнела: лета идут, как бы красавица-беляночка не стала девой старою! А юной княжне никто из женихов не нравился, она и довольна: зачем это ее воле кончатся, чтобы чужой злой человек ей во всем указывал? Да зачем это ей замуж? Кто б ее спросил, когда б хоть один жених крепко держался своего намеренья! Маменька сама бы решила, не давать же слова соплюшке... Но женихи ослабели. Годики шли, стала девица томиться по весенним месяцам и по летним, но... ни ей никто не был по нраву, ни ее приданое никому не приходилось по душе.

Лишь однажды заходил к ним в дом приятель очередного жениха – дородный думный дворянин, на десяток лет самого

жениха старше. И заговорил он сначала с маменькой, а потом и с самой княжной. Маменька уж до того угодить хотела, что не погнала дочь в ее светелку, а дозволила говорить со степенным человеком. А человек оказался и сам искусный в винограде книжной премудрости – учился в Типографской школе у самого иеромонаха Тимофея, украшенного много-различным знанием. Ох и дивился же он уму девицы! Ох и нахваливал же! А уходя, подарил ей – не пряник, не куклу, не плат, а... книжку. О хождениях нашего тверского торгового человека русской земли Афанасия за три моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.